

Свекровь дальнего действия

Автор:

Люся Лютикова

Свекровь дальнего действия

Люся Лютикова

Следствие ведет Люся Лютикова

В семейных ссорах всегда виноваты двое – муж и свекровь!

Татьяна, подруга Люси Лютиковой, твердо уверена: свекровь задалась целью отравить ей жизнь. Пенсионерка дошла до того, что выносит из дома еду! Из холодильника пропадают целые сковороды котлет, кастрюльки с голубцами и прочие разносолы. А когда старушку вскоре находят мертвой, полиция не сомневается: это дело рук разгневанной невестки. Типичное бытовое убийство на почве котлет.

Однако Татьяна твердит, что она невиновна, и умоляет Люсю найти настоящего убийцу. Журналистка рьяно берется за расследование. Ей предстоит ответить на множество вопросов. Зачем покойница сняла все деньги со сберкнижки за день до убийства? Почему ее сын не плакал на похоронах матери? И куда же, в самом деле, пенсионерка выносила еду?

Люся Лютикова

Свекровь дальнего действия

Глава 1

Хорошая невестка делает вид, что обожает свою свекровь, плохая – с ней не знакома, а умная – живет от свекрови на расстоянии три тысячи километров. Моя подруга Танька Чижова была невесткой обыкновенной: всеми фибрами души она ненавидела «вторую маму», однако жила с ней в одной квартире.

Когда Танька приходит ко мне в гости, разговор неизменно сводится к тому, какой монстр Ева Ивановна. Вот и сегодня подруга оседлала любимого конька.

– Развела в своей комнате жуткий срач, – шипела Танька. – Я туда даже не захожу, чтобы не стошнило из-за запаха. Зато на кухне обожает убираться. Ну, это она так называет – «убираться», а на самом деле просто перекладывает всё с места на место. Возьмет, к примеру, и переставит чашки из одного шкафа в другой. Я приезжаю с работы, лезу за чашкой – а там приправы лежат, представляешь? Такое ощущение, будто в дурдом попала. Верну всё на место, а она на следующий день опять переставляет. Специально меня изводит! И чего только добивается?

Я усмехнулась: по-моему, всё предельно ясно. Ева Ивановна хочет остаться одна в своей квартире. Сын с невесткой, два здоровенных лба тридцати лет, могли бы уже съехать от пенсионерки и дать ей возможность насладиться комфортной жизнью в одиночестве. В этом духе я и высказалась подруге.

Танька возмущенно передернула плечами.

– Да в том-то и дело, что она против, чтобы мы съезжали! Был такой разговор после нашей с Сережкой свадьбы, мы хотели снимать квартиру, даже нашли подходящий вариант, но она нас отговорила. Зачем, мол, отдавать деньги чужому человеку, когда можно откладывать на свое жилье? Свекруха быстро сообразила, что ей от нас одна выгода: мы и коммунальные услуги оплачиваем, и холодильник под завязку набиваем, и квартиру убираем. Поди, плохо? Живет на всем готовеньком, как королева! И пенсию на сберкнижке копит!

Я подозревала, что выгода от совместного проживания у молодых все-таки есть, однако предпочла дипломатично промолчать.

Мы сидели на кухне и пили чай. Уже довольно давно я живу в огромной квартире с шикарной гостиной, однако на кухне в роли хозяйки чувствую себя более

уютно. Ничего не поделаешь, сказываются годы, проведенные в тесных съемных халупах. Большие пространства наводят на меня тоску, как в музее. Впрочем, мои гости отнюдь не в обиде, что их угощают пирожными в пищеблоке, который обставлен в современном стиле хайтек и больше смахивает на космический корабль.

Танька бросила в чашку два куса рафинада и нервно размешала сахар ложечкой.

– А тут еще новая напасть – из дома стала пропадать еда.

Я удивленно воззрилась на подругу:

– В смысле? Крупы и консервы?

– Нет, не консервы, а уже готовая еда. Вот представь: мы с мужем приезжаем после работы едва живые, одно желание – поужинать и завалиться спать. Я накануне приготовила целую кастрюлю фаршированных перцев, ты знаешь, это мое коронное блюдо. Открываю холодильник – кастрюля пустая, только на дне один перчик болтается. Представляешь? А в квартире днем никого не было, только свекровь.

– Очевидно, Ева Ивановна проголодалась.

– И умяла целую кастрюлю? Перцев было двенадцать штук! Не могла она столько за один день схомячить, в нее просто физически не влезет.

Я в сомнении покачала головой. В меня лично – влезет! Впрочем, на аппетит я никогда не жаловалась, поэтому и отъелась до размеров маленького бегемотика. Мой вес колеблется в пределах ста килограммов, сегодня утром, например, стрелка весов остановилась на цифре девяносто восемь. Эх, надо бы худеть! Вот с понедельника – честное слово! – сяду на диету.

– Слушай, я же видела твою свекровь, она довольно полная женщина, наверняка любит покушать.

– Полнота не от еды, а от болезни. У нее сахарный диабет, она ест часто, но понемногу. И мясом нельзя злоупотреблять, ей реально плохо становится, до вызова «скорой».

Я выдвинула другую версию:

– Может, к Еве Ивановне приходили гости, и она их угостила?

– Возможно, – кивнула Танька. – Однако потом ситуация повторилась с котлетами, борщом, бефстроганов... Всё, что я приготовлю, исчезает из холодильника. Свекровь оставляет только самую малость на доньшке, чтобы не мыть кастрюли и сковородки. Это меня, кстати, бесит больше всего! Мало того, что я у нее бесплатная кухарка, так еще и посудомойка!

Я откусила эклер, с наслаждением ощущая, как нежнейший крем тает во рту... Вообще-то Танькино недовольство понять можно. Если бы у меня из холодильника кто-то таскал пирожные, я бы тоже пришла в ярость.

– И куда, по-твоему, девается еда?

Чижова развела руками:

– Ума не приложу. Однажды у меня на работе поднялась температура, я приехала домой в три часа. Холодильник был уже пустой! Получается, что она выносит еду в первой половине дня.

– Может, Ева Ивановна подкармливает бездомных кошек и собак? Многие люди к старости становятся жалостливыми, особенно за чужой счет.

Подруга отмахнулась от этого предположения.

– Да она ненавидит животных! Не позволила мне завести щенка, заявила, что у нее аллергия на собачью шерсть. У нас в подъезде жила бездомная кошка, которая гадила около почтовых ящиков, так свекровь самолично вышвырнула бедную зверюшку на улицу, не посмотрела, что на дворе зима, а кошка беременная.

– И давно это длится? Давно пропадает еда?

– Уже три месяца.

Мое изумление не поддавалось описанию:

– Три месяца?! И за это время вы с мужем не нашли минуты, чтобы поговорить с Евой Ивановной?! Почему сразу не потребовали объяснений: «Дорогая мама, мы хотим знать, куда делись котлеты!»?

– Да потому что с ней невозможно нормально разговаривать! – взорвалась подруга. – Когда задаешь ей вопрос, причем самым невинным и спокойным тоном, она начинает истерично вопить: «Ждете, когда я умру! Куска хлеба для меня пожалели! Когда же я наконец-то умру!», – а потом рыдает полдня в своей комнате и еще неделю демонстративно с нами не общается... Нет, спрашивать у нее –дохлый номер. Мы уже думали, может, камеру видеонаблюдения на кухне поставить, чтобы точно знать, что она с едой делает. Не знаешь, где такие камеры продаются? Меня просто тошнит от всего этого!

Ситуация и впрямь дурно пахла. Заметьте, пенсионерка выносит из дома не золото, не бриллианты и не акции Газпрома, а всего лишь еду. А сын с невесткой собираются установить камеру, чтобы точно подсчитать, сколько тарелок супа старушка умыкнула.

– Тебе жалко еды для Евы Ивановны? – прямо спросила я.

– Да не жалко мне, не жалко! Пусть ест на здоровье! Ну, как ты не понимаешь, что дело тут совсем в другом! Я корячусь у плиты, как рабыня, трачу время, которого и так в обрез, а она просто нагло берет всё, что я приготовила, и уносит. Мне жалко свое время и свой труд, понимаешь? Откуда я знаю, что она делает с едой? Может, просто выбрасывает на помойку?

Эта версия показалась мне неубедительной. Да, многие свекрови ненавидят невесток до печеночных коликов и пойдут на любую подлость, лишь бы испортить молодой жизни. Но вот выкидывать еду – на это они не способны. Только не советские женщины, прошедшие все круги ада продуктового дефицита! Тот, кто когда-то выстаивал по два часа в очереди за куском докторской колбасы, сделанной из туалетной бумаги, не выкинет еду ни при каких обстоятельствах.

Даже если она куплена и приготовлена ненавистой невесткой.

– Твоя проблема выеденного яйца не стоит, – заявила я. – Сделай так, чтобы Еве Ивановне нечего было выносить. Не готовь дома, ужинайте с мужем в ресторане.

– Отличная идея, – хмуро отозвалась Татьяна, – но только мы не можем деньги на рестораны тратить, копим на первый взнос по ипотеке, у нас каждый рубль на счету.

– Тогда готовьте еду маленькими порциями и сразу же ее съедайте.

– Нет у меня времени постоянно готовить, я приползаю с работы без задних ног, хватает сил только что-нибудь разогреть. А ты предлагаешь до утра курицу жарить?

– Смените меню. Откажитесь от блюд, которые долго готовить, перейдите на полуфабрикаты, на салатик из огурцов-помидоров, его вообще можно за пять минут настрогать.

– Не будет молодой здоровый мужик один салат из огурцов трескать, Сережке мясо подавай!

Мне надоела игра в «Да, но...». Танька весьма изобретательно отвергает любое мое предложение, как будто её все устраивает и она ничего не хочет менять. Может, так оно на самом деле и есть?

– Ну, тогда пусть твой муж сам и готовит, – раздраженно бросила я. – А еще лучше – пусть сам разбирается со своей мамочкой. Кстати, а Сергей-то что предлагает делать в этой ситуации?

Подруга кисло сморщилась:

– Ничего. Он самоустранился. У них с матерью вообще странные отношения. Они ничего не обсуждают, не делятся переживаниями, живут, словно соседи. С одной стороны, это хорошо: свекровь не лезет в нашу жизнь, но, с другой стороны, с ней невозможно разговаривать, она смертельно оскорбляется на любое замечание.

– Да забей ты на эти котлеты, – искренне посоветовала я. – Худой мир лучше доброй ссоры. И еще есть чудесная пословица: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если живешь в квартире свекрови, то смирись с ее маленьким бзиком.

На мой взгляд, Татьяна отреагировала слишком бурно:

– Это не ее квартира! Недвижимость принадлежит бабушке Сергея, мы имеем такое же право там жить, как и свекровь!

– А бабушка где? Впервые про нее слышу. Она здорова?

– Еще как здорова, – улыбнулась Чижова. – У Сережки классная бабка. Ей почти семьдесят, но она молодым сто очков вперед даст. У нее была куча мужей, и чуть ли не от каждого осталась квартира. Кое-какую недвижимость пришлось продать в голодные девяностые годы, но сейчас у нее в собственности наша скромная «двушка», еще «однушка» на Беговой и шикарная сталинская «трешка» на «Соколе», где она сама обитает.

Я возмутилась:

– Ну, вы даете! Отбираете у бабульки доход! Она могла бы сдавать лишнюю квартиру и как сыр в масле кататься!

– Да она и так катается! В прямом и переносном смысле. Разъезжает по Москве на внедорожнике – в ее-то возрасте, можешь представить? Регулярно по заграницам мотается, и не в какую-нибудь банальную Турцию, а в экзотические страны: Аргентина, Новая Зеландия, Марокко...

– На какие же средства бабулька шикует?

– Она поэтесса.

Я вскинула брови:

– Впервые слышу, что вирши приносят доход.

– Только неудачники пишут стихи для пыльных журналов, – надменно отозвалась Татьяна. – Успешные поэты работают на эстраду. Знаешь попсовую группу «Карамель»? Ну, там еще три девчонки поют, сами тощие, а силиконовые груди четвертого размера?

Я неуверенно кивнула. Эти девичьи группы расплодились, словно грибы после дождя, и все скроены по одной мерке: блондинка, брюнетка и рыженькая.

– Так вот, – продолжала Чижова, – последняя их песня «Сволочная любовь» занимает верхние строчки в хит-парадах, клип постоянно крутят по телику. Знал бы кто, что стихи для этой песни написала семидесятилетняя старушка! Она вообще все стихи для «Карамели» пишет, вот откуда денежки!

– А Еве Ивановне, случайно, дар не передался по наследству от матери? Может, ей тоже стихи сочинять? Глядишь, купит свою квартиру и съедет от вас?

Танька опять насупилась.

– У нее только один дар – еду из холодильника тырить. Целыми днями околачивается дома, смотрит сериалы да пасьянс раскладывает. Уж не знаю, что она надеется там увидеть: то ли дальнюю дорогу, то ли любовь до гробовой доски...

– Надежда умирает последней, – улыбнулась я. – Вот только с цифрами у тебя что-то не сходится. Если бабушке семьдесят, то каким образом твоя свекровь может быть пенсионеркой? Неужели ваша поэтесса родила Еву Ивановну, будучи школьницей?

– Раньше вообще рожали рано, противозачаточных средств не было. Но ты права: свекровь выглядит как старуха, хотя ей всего пятьдесят три года. Она получает пенсию по инвалидности, я же тебе говорю, у нее сахарный диабет в тяжелой форме. Впрочем, чувствует она себя прекрасно и спокойно могла бы найти какую-нибудь подработку, но – не хочет. А и правда, зачем таскаться на службу, когда в холодильнике полно еды? – Чижова уставилась на электрический чайник с таким выражением лица, словно он был ее злейшим врагом. Вдруг она встрепенулась: – Люська, ты мне подруга?

Я насторожилась, потому что обычно за таким вопросом не следует ничего хорошего.

– Ты должна мне помочь! Понимаешь, я работаю полный рабочий день, ни на минуту не могу выйти из офиса, директор – просто волк, следит за каждым шагом, если обнаружит, что меня нет на месте, уволит без вопросов. А ты журналистка, у тебя свободный график, сколько у тебя присутственных дней в неделю – один или два?..

– Чего ты хочешь? – прямо спросила я.

– Хочу чтобы ты проследила за Евой Ивановной. Надо узнать наверняка, куда она выносит еду. Мне нужны доказательства, чтобы прижать ее к ногтю, понимаешь?

Идея мне категорически не понравилась.

– Какие доказательства, когда факты налицо? Утром котлеты были, а вечером их нет. Что тут еще доказывать?

Но Танька, казалось, меня не слышала, она твердила, словно помешанная:

– Нельзя допустить, чтобы она отвертелась. Лучше сделать фотографии, чтобы она не могла ничего отрицать. Ты ведь поможешь мне, правда? Ты проследишь за ней? У тебя в мобильнике хороший фотоаппарат?

Обычно я подругам помогаю. Но только не в этот раз. Люди просто разучились разговаривать со своими родственниками. Им нужен хороший семейный психолог, а не услуги детектива-любителя.

– Ты поможешь? – тянула Чижова.

– Нет, – твердо сказала я, – не помогу.

Танька тут же сникла, а я с преувеличенно бодрым видом принялась рыться в записной книжке:

– У меня тут где-то записан телефон городской психологической службы. Насчет денег не волнуйся, служба бесплатная, но там, говорят, работают толковые специалисты, вам обязательно помогут. Конфликты в семье нельзя затягивать, нужно постоянно вести диалог...

Чижова вскочила со стула:

– Не нужен мне никакой диалог! Мне нужна помощь подруги, но здесь я ее, кажется, не получу!

Мне удалось подавить в себе чувство вины и не поддаться на манипуляцию. Наконец нужный телефон нашелся.

– Вот, записывай!

Подруга оттолкнула протянутый карандаш.

– Я знаю, почему ты не хочешь мне помочь! У тебя нет свекрови, ты не представляешь, какой это кошмар и ужас!

Чижова стремительно двинулась к выходу.

– Подожди, – слабо пискнула я, затрусив следом. – Может, все-таки возьмешь телефончик?

На пороге Танька обернулась.

– Сытый голодного не понимает! Впрочем, чего еще от тебя ожидать, ведь ты никогда не была замужем! – припечатала она и ушла, громко хлопнув дверью.

Глава 2

Татьяна ошиблась. Я действительно никогда не была замужем, однако удовольствие под названием «свекровь» доступно мне в полном объеме.

Спросите, как такое возможно? А очень просто.

Если у женщины нет свидетельства о браке, это еще не значит, что у нее нет свекрови. Ведь мужчина, с которым у вас отношения, появился на свет не из пробирки, у него наверняка имеется любящая мамочка, которая чаще всего не готова поделиться с вами своим золотым запасом. Тем более если сын – не просто золото, а чистая платина. Совсем как мужчина моей мечты – капитан милиции Руслан Супроткин.

Мы с Русланом оба слишком ленивы для организации грандиозных мероприятий, подобных походу в ЗАГС. И еще слишком заняты. И еще нам всё время что-то мешает. В прошлый раз от подачи заявления отвлекло мое сломанное ребро. Кстати, перелом я получила, разоблачая преступницу, которую не успел поймать сам Руслан[1 - Речь идет о событиях, описанных в романе Люси Лютиковой «Мужчины и другие животные»]. А в позапрошлый раз капитана отправили в командировку в другой город, чтобы расследовать серию убийств... Нас эти переносы документального оформления отношений ничуть не смущают, и жили бы мы душа в душу, если бы не одно «но». И это «но» зовется моя «гражданская» свекровь Ариадна Васильевна, которая прилагается к нашему гражданскому браку и делает всё, чтобы он так никогда и не стал официальным.

Ариадна Васильевна – бойкая шестидесятилетняя пенсионерка и вдова. Три года назад она потеряла мужа-полковника, заездив его упреками и поручениями буквально до смерти. Хотя официальная версия гласит – инфаркт. Несчастный скончался на грядке с огурцами, где по заданию супруги сооружал теплицу.

Довольно быстро оправившись после траура, Ариадна Васильевна взялась за сына. И теперь свекровь регулярно наезжает, как она выражается, из «своего унылого Курска в вашу зажавшуюся Москву». Называется это «навестить сыночка всего на недельку». Неделька тянет за собой другую недельку, из них складываются месяцы, а любящая маманя и не думает оставлять моего капитана в покое.

Наша жизнь превращается в ад. В свою однокомнатную квартиру Руслан меня не приглашает, потому что мы оба не представляем, чем можно заняться под бдительным оком Ариадны Васильевны на семнадцать жилых метрах плюс шестиметровой кухоньке.

У меня роскошная «трешка», и мы с Русланом, когда у него чудом выдается свободный денек, отлично проводим в ней время. Вернее, проводили до недавнего времени. Теперь на страже нравственности стоит Ариадна Васильевна. Стоит ее сыну переступить порог моего дома, как раздается звонок мобильного телефона.

– Молоко закончилось, – голосом вдовствующей королевы Англии сообщает мамочка. – Зеленый чай тоже, остался только черный.

– Супермаркет находится в соседнем доме, – напоминает Руслан.

– Голова что-то кружится, нет сил встать... – беспомощно шепчет Ариадна Васильевна и отключает телефон.

Любящий сын мчится домой, чтобы забить холодильник под завязку. Одно поручение следует за другим, и вот ближе к полуночи, когда мой Руслан, словно Золушка, уже отсортировал мак от проса и готов отправиться на заслуженный бал (то есть ко мне), у его матушки начинает так скакать давление, что только враг рода человеческого смог бы оставить несчастную пенсионерку справляться с недугом в одиночестве. Вариант вызова «скорой помощи» не рассматривается, потому что Ариадна Васильевна не доверяет врачам даже больше, чем мне.

Я помню еще то время, когда нам со свекровью удавалось поддерживать худой мир. Вероятно, она надеялась, что я – временный вариант и что Руслан скоро сам меня бросит. Тем более что Ариадна Васильевна нашла ему на родине подходящую невесту: учительницу начальных классов двадцати двух лет от роду, с толстенной косой до пояса. Кстати, девственницу. Возраст невесты неоднократно подчеркивался в моем присутствии: двадцать два года! По представлению свекрови, я в свои тридцать пять не шла ни в какое сравнение с юной и свежей курянкой. Однако Руслан, по необъяснимой для мамочки причине, даже слышать не захотел про курскую красавицу. И тогда без объявления войны Ариадна Васильевна начала против меня боевые действия.

Каждый ее приезд в столицу – это очередная наступательная операция, имеющая своей целью доказать, что мне не место рядом с Русланом. А я, в силу миролюбивого характера, всегда сдаюсь без боя. Мои тылы и фланги беззащитны, мне нечего противопоставить противнику, я избегаю столкновения в надежде, что Ариадна Васильевна поймет тщетность своих усилий и отступит

сама, как продрогшие до костей французы в Отечественную войну 1812 года.

Но совсем недавно до меня вдруг дошло: да ведь Ариадна Васильевна – нормальная, адекватная мать! И она, безусловно, желает своему сыну только добра. Для нее было бы счастьем знать, что есть женщина, которая любит Руслана и заботится о нем ничуть не меньше, чем она сама. И я – та самая женщина!

Конечно, я не идеальна. Я не умею готовить борщ, да и вообще мясные блюда мне не удаются. Зато я пеку чудесные пирожки с капустой и замечательную шарлотку. В конце концов, набить желудок – не главное в семейной жизни. А главное – взаимопонимание, поддержка и радость. И все это я могу дать Руслану!

Итак, решено – мне надо больше общаться с Ариадной Васильевной. Нужно, чтобы она увидела, какая я замечательная, и перестала со мной воевать. Тогда, счастливая и умиротворенная, она навсегда уедет в Курск и в нашей с Русланом жизни наступит тишь да гладь да Божья благодать.

Вскоре мне представился случай воплотить намерения в жизнь.

– Завтра мама приезжает, – сообщил Руслан, рассеянно щелкая пультом от телевизора в поисках спортивного канала.

– Правда? – встрепелась я.

– На две недели. Надо встретить ее на вокзале, а я не могу, дежурство...

– Давай я встречу! У меня как раз свободный день.

Капитан отвлекся от экрана:

– Ты, правда, встретишь? Тебе не сложно?

– Конечно, не сложно. Ты же знаешь, как я... – Я хотела сказать «как я люблю твою маму», но решила все-таки придерживаться реальности: – Как я отношусь к твоей маме.

– Ты образцовая невестка, – улыбнулся мужчина моей мечты.

Клянусь, через две недели Ариадна Васильевна повторит эту характеристику слово в слово!

На следующее утро я была на Курском вокзале. Подошла к поезду как раз в ту секунду, когда он с шипением остановился. К несчастью, вагон, в котором приехала Ариадна Васильевна, находился в самом хвосте состава, и когда я до него добежала, свекровь с чемоданом уже стояла на перроне. Надев на лицо маску вселенской скорби, она тревожно вглядывалась в даль. И хотя я стояла всего в двух шагах, пенсионерка меня в упор не замечала.

– Здравствуйте, Ариадна Васильевна!

Доброжелательность из меня так и пёрла.

– А-а, это ты, Людмила... – разочарованно протянула свекровь вместо приветствия.

Кстати, во всем мире одна лишь Ариадна Васильевна зовет меня Людмилой. У всех остальных людей мой вид и характер вызывают стойкое желание обращаться ко мне ласковым Люся. Но свекровь скорее съест свой язык, чем выговорит это имя.

– У вас один чемодан? Я понесу.

– А где Руслан? – с кислой миной допытывалась свекровь.

– Он не смог прийти, у него дежурство.

– Ну конечно, как мать в гости, у него сразу дежурство! Он что – специально их под мой приезд подгадывает?! Прислал вместо себя невесть кого!

Я деликатно промолчала, однако находиться в образе идеальной невестки становилось всё труднее. Подхватив чемодан, я двинулась к метро. Ариадна Васильевна с дамской сумочкой под мышкой семенила рядом.

– Как доехали?

Пенсионерка вздохнула:

– Ох, намучилась ужасно! В купе духотища, проводница – хамка, сосед всю ночь над ухом храпел... Я глаз не сомкнула, постоянно давление мерила.

– И какое было давление?

– Ах, ну неважно какое! Говорю тебе, скакало давление. А проводница – хамка, я ее зову, говорю: «Мне плохо». Так она взяла и дежурного врача вызвала из какого-то там вагона.

– Наверное, так по инструкции положено.

– Ну, от тебя, Людмила, я другого и не ожидала, – свекровь поджала губы куриной гузкой и даже сама сделалась меньше. Стала похожа на такой маленький злобный кулачок. – Ты что же, не знаешь, какие отвратительные в поезде врачи? Да и зачем мне врач! Я сама всё знаю.

Далее Ариадна Васильевна пустилась в подробнейший рассказ, какие таблетки она пьет от своих многочисленных хворей: давления, повышенной кислотности в желудке, боли в суставах, мигрени... Повествование грозило растянуться до самого дома, но мне неожиданно повезло.

– Ой, какая кофточка прелестная! – вдруг восторгалась свекровь, тыча пальцем в девушку в узких джинсах и коротеньком розовом топике. – Знаешь, Людмила, я в Курске ужасно, просто до неприличия пообносилась. Мне совершенно нечего надеть!

В данный момент на свекрови был надет весьма приличный брючный костюм из льна цвета брусники. В ответ на мой комплимент Ариадна Васильевна замахала руками:

– Господи, да это же старье! Я его еще в прошлом году носила! Мне нужно что-нибудь новенькое.

Вот он, мой шанс!

– А хотите, вместе сходим в магазин? – предложила я.

– В смысле? – то ли искренне не понимала, то ли притворялась свекровь.

– Подберем вам гардероб.

Ариадна Васильевна испустила тяжкий вздох, будто я предложила ей восхождение на гору Килиманджаро.

– А что? Может, и от тебя, Людмила, будет какая-то польза. Хотя... – Она критически оглядела мой наряд – бесформенный балахон из серии «чехол для танка», призванный скрывать полноту, – и еще раз глубоко вздохнула.

Несмотря на сомнительную радость на лице свекрови, я ликовала. Я уже представляла картину: мы, словно две подружки, ходим по торговому центру, весело щебечем и скупаем лифчики на распродаже. Определенно, удача сегодня была на моей стороне!

Глава 3

Однако в тот день в торговый центр мы не поехали: Ариадна-свет Васильевна устали с дороги и легли почивать.

На второй день свекровь затеяла уборку в холостяцкой квартире Руслана.

– Тут полный бедлам, пыль клочьями летает, не понимаю, как женщина может довести жилье до такого ужасного состояния, – заявила она, и это был камешек в мой огород. По мнению пенсионерки, я должна ежедневно мотаться на другой конец Москвы, чтобы делать влажную уборку помещения.

На следующий день у Ариадны Васильевны после трудовых подвигов упало давление. Потом у нее случился жесточайший приступ мигрени – по ее словам,

следствие ужасной столичной экологии. Затем она была занята: встречалась с институтской подругой...

Я уже решила, что Ариадна Васильевна пошла на попятный, как вдруг свекровь позвонила сама.

– Что же ты, Людмила, предложила обновить мой гардероб и пропала...

Это я-то, названивавшая ей сутками напролет!

– Да я в любую минуту готова! – заверила я.

– Сейчас можешь?

Разумеется, по закону подлости, это было самое неподходящее время. Мне нужно было срочно дописать статью, отдать сумку в ремонт и зайти в банк, чтобы переоформить кредитную карту. Но я без колебаний отложила все дела, ведь на кону стояла моя счастливая семейная жизнь!

В торговом центре была грандиозная распродажа, о чем сообщали огромные плакаты со всех стен.

– Нам повезло! – обрадовалась я. – Скидки на женскую одежду до семидесяти процентов!

– Людмила, ты в своем ли уме? – возмутилась свекровь. – Я не одеваюсь на распродажах!

– Но почему? – искренне удивилась я.

– Потому что с уценкой отдадут только бракованные вещи, которые не удалось продать по нормальной цене.

Я рассмеялась:

– Так было в Советском Союзе! Сейчас совсем по-другому. Магазины устраивают сезонные распродажи, отдают вещи практически по себестоимости, чтобы освободить полки для новых коллекций. Вы знаете, сегодня даже очень обеспеченные люди, миллионеры, ждут распродаж, чтобы ухватить фирменную вещь за бесценок.

– Прямо-таки и миллионеры... – не поверила свекровь. – Скажешь, жена Абрамовича тоже рыщет по распродажам?

– Конечно, – уверенно заявила я. – Никто не хочет переплачивать, все экономят.

– Ну, если только ради экономии, – неохотно согласилась Ариадна Васильевна. – Сама знаешь, какая у меня маленькая пенсия.

Я не имела об этом ни малейшего представления, в размер своей пенсии свекровь меня не посвящала, однако я сочувственно закивала.

В первом же магазине, куда мы зашли, нас ждало разочарование. Огромная скидка в семьдесят процентов действовала не на всю коллекцию, а лишь на маленький островок вешалок в углу. Как назло, это оказались вещи, испачканные в губной помаде, с оторванными пуговицами и таких страшных цветов, что их впору было надевать на огородное пугало.

– Ну, что я говорила! – торжествовала Ариадна Васильевна, тыча пальцем в пиджачок цвета детской неожиданности, украшенный на лацканах черными пятнами неизвестного происхождения. – Я, конечно, не миллионерша, но такое мне и даром не нужно. Пошли в нормальный бутик, а эту красоту оставим жене Абрамовича, пусть радуется.

В следующем магазине Ариадне Васильевне не понравился интерьер:

– Слишком тесно, не люблю, когда манекены понатыканы на каждом шагу.

В третьем бутике продавщица имела наглость заговорить с пенсионеркой пренебрежительным тоном, и мы немедленно его покинули.

– Да что она себе позволяет! – возмущалась Ариадна Васильевна. – Людмила, ты видела, каким презрением она меня окатила? Как будто, если я на пенсии, значит, уже второй сорт!

Маленькое уточнение: девушка всего лишь с дежурной улыбкой поинтересовалась: «Вам помочь?».

В четвертом магазине на ценниках значились такие длинные ряды цифр, что было непонятно, то ли это цены, то ли номера телефонов...

Мы бродили по торговому центру уже час, но Ариадна Васильевна еще не примерила ни одну вещь.

– Устала, ноги болят, – пожаловалась свекровь.

Я посмотрела на ее ноги. Ариадна Васильевна надела туфли на пятисантиметровых каблучках. Это чистое безумие – отправляться на шопинг на каблуках, пусть даже и невысоких. Я, например, предусмотрительно облачилась в кроссовки.

– Наверху есть кафе, можно посидеть там, заодно и перекусим, – предложила я.

– Я не голодна, – капризно отозвалась пенсионерка, – но стакан чаю с удовольствием выпью.

Я не знаю, сколько в Курске стоит стакан чаю, но в столичном кафе он обошелся мне без малого в тысячу рублей и включал в себя: крем-суп из шампиньонов, ризотто с курицей, салат из морепродуктов, кусок торта тирамису, шоколадное мороженое и, собственно, стакан черного чаю с сахаром и лимоном.

Подкрепившись, свекровь заметно приободрилась, огляделась по сторонам и увидела яркую витрину.

– Вот в этом бутике мы еще не были!

– Вам там не понравится, – отозвалась я, – это молодежная марка.

Пенсионерка вскочила так резво, словно ее петух в задницу клюнул.

– Ну, посмотреть-то мне можно, правда? Туда ведь не по паспорту пускают?

– Смотрите, бога ради, но уверяю, что это не ваш стиль.

– Кто бы рассуждал о стиле, – пробормотала Ариадна Васильевна, устремляясь вперед.

В бутике свекровь сразу кинулась к стойке с надписью «Новинки сезона», схватила кучу вешалок и поспешила в примерочную. Я поплелась следом.

– Что-то тут не так, не пойму... – задумчиво проговорила Ариадна Васильевна за занавеской. – Людмила, ну-ка, взгляни!

Я отодвинула занавеску. «Не так» в этой кофточке было всё, начиная от цвета – слишком яркого, кричащего, и заканчивая фасоном – явно молодежным, с глубоким декольте и вырезами на плечах. Не видеть этого мог только слепой.

– Может, цвет не ваш, Ариадна Васильевна? – осторожно предположила я.

– Ну что ты, мне всегда шел оранжевый! Нет, дело в размере. Мне нужна кофточка на размер меньше, а лучше – на два. Принеси!

Я послушно затрусила к стойкам. Но кофточка меньшего размера лучше сидеть не стала. Напротив, теперь лямки впивались в плечи, привлекая внимание к немолодой коже, густо, как перепелиное яйцо, покрытой коричневыми пигментными пятнами. А глубокий вырез открывал вид на дряблую шею и грудь.

Ариадна Васильевна разраженно отбросила блузку, примерила вторую, третью... Вещи смотрелись на ней смешно и нелепо.

– Лекала у них неправильные, – сделала вывод свекровь. – Шьют, небось, на французенка, а они плоские, как доски, ни попы, ни груди. Вот одежда и уродует русских женщин.

Дело было, конечно же, не в лекалах, а в том, что пенсионерка с маниакальным упорством выбирала молодежные фасоны и расцветки. Я попыталась привлечь внимание Ариадны Васильевны к одежде, которая больше соответствует даме, разменявшей шестой десяток.

– Смотрите, какая отличная блузка! Спокойный цвет «кофе с молоком», четкие линии, закрытый ворот. И юбка годё с ней в комплекте, длиной до середины икр. Мне кажется, это самый подходящий вариант для вашего возраста, примерьте!

Ариадна Васильевна уставилась на меня, как на врага народа, и с ненавистью бросила:

– Ты сама старушечьи наряды носишь и меня пытаешься в старухи записать!

– Почему же в старухи... – заблеяла я.

– Людмила, если ты выглядишь, как толстая продавщица из сельпо, то и я, по-твоему, должна? Ну уж нет, у меня, по крайней мере, вкус имеется!

Высказавшись, свекровь направилась к выходу. В полном молчании мы дошли до станции метро, спустились под землю и сели в поезда, идущие в противоположных направлениях.

Обидные слова Ариадны Васильевны выбили меня из колеи. Остаток дня я провела в поисках достойного ответа на ее оскорбления. Улегшись спать, я ворочалась на подушке, снова и снова прокручивала в голове разговор с пенсионеркой, находя все более остроумные и весомые аргументы. Только одержав окончательную и бесповоротную победу в воображаемой битве со свекровью, я успокоилась и заснула.

Из объятий Морфея меня вырвал телефонный звонок. Я вгляделась в экран мобильного: определился незнакомый номер. Раздосадованная, я нажала на «отбой».

Ну вот, опять начинается. Около полугода назад у меня стали раздаваться странные звонки.

– Девушка, сколько по деньгам от Невского проспекта до Гатчины? – в два часа ночи спросил подвыпивший мужской голос.

– А? – спросонья прохрипела я.

– Машина нужна срочно!

– Куда вы звоните?

– В такси.

Выяснилось, что номер моего мобильного совпадает с телефоном самого дешевого и популярного такси в Санкт-Петербурге, разница только в одной цифре. Теперь в любое время дня и ночи мне ошибочно звонили с просьбой подогнать машину на Московский проспект или Адмиралтейскую набережную.

Я взяла привычку отключать звук телефона на ночь и утром обычно обнаруживала десяток пропущенных звонков с незнакомых номеров.

Потом звонки прекратились. Наверное, таксопарк поднял цены и стал уже не таким популярным.

И вот сегодня кто-то опять ошибся номером. Когда абонент через секунду позвонил еще раз – вот настырный! – я рявкнула в трубку:

– Это не такси! Набирайте номер правильно!

– Люська, погоди, не отключайся, это Таня Чижова.

Я с трудом узнала голос подруги.

– Танька, ты чего так поздно? Случилось что-нибудь?

– Да, случилось, я в тюрьме.

– В тюрьме?! – только и могла выдохнуть я.

– Вернее, пока в следственном изоляторе. Нахожусь здесь уже десять дней.

– Но почему? За что?

– Меня обвиняют в убийстве свекрови.

Глава 4

Новость не укладывалось у меня в голове.

– Господи, Еву Ивановну убили? Но ведь это не ты ее... – я не могла выдавить из себя страшное слово.

– Конечно, не я! Я не убивала, меня подставили!

Торопясь и проглатывая слова, подруга принялась рассказывать.

Две недели назад, в субботу, около двенадцати часов по полудню, Еву Ивановну зарезали на лестничной площадке, прямо перед дверью собственной квартиры. Таня обнаружила ее, когда вышла выносить мусор, и теперь она – главная подозреваемая. За час до этого они со свекровью поскандалили из-за еды, исчезающей из холодильника. Следуя моему совету, Чижова наконец-то решила прямо поговорить с Евой Ивановной. Однако конструктивного разговора не получилось, начав с котлет, женщины перешли на личности и наговорили друг другу много гадостей. От волнения у Евы Ивановны пошла носом кровь, пятна остались на полу в прихожей. Следователи решили, что невестка пырнула свекровь ножом в грудь еще в квартире, а потом выволокла тело на лестничную площадку.

– Но это же бред! – воскликнула я. – Из-за котлет не убивают!

– Я так и сказала следователю. Но он заявил, что на почве бытовой ненависти такое случается сплошь и рядом. Сергей тоже мне не верит, он собирается подать на развод. Люська, помоги! Меня обязательно посадят, если ты не

поможешь! Мне больше не к кому обратиться!

– Не волнуйся, я помогу. Что мне сделать? Найти хорошего адвоката?

– Найди настоящего убийцу.

– Шутишь? У меня не получится.

– Умоляю, найди, я надеюсь на тебя, – сказала подруга, и связь оборвалась.

Спала я плохо, всю ночь ворочалась под ставшей вдруг тяжелой простыней. А утром встала с мыслью: надо поговорить с Сергеем. Попрошу его не пороть горячку и не разводиться с женой. Может быть, мы с ним объединим наши усилия и материальные возможности по оплате хорошего адвоката. Да ведь это курам на смех: Танька Чижова – убийца! Быть такого не может! Наверняка ушлому адвокату удастся вытащить Танюшку из заключения еще до суда.

Я поехала на улицу с чудесным названием Изумрудная, в дом, где жила Татьяна. Я была здесь лишь пару раз, но хорошо запомнила расположение. От метро «Бабушкинская» десять минут пешком, длинная белая девятиэтажка, по правую сторону от которой находится супермаркет, а слева – детский садик.

Когда я благополучно нашла нужный дом, выяснилось, что номер квартиры-то я не помню...

Около подъезда на лавочке оживленно беседовали две старушки, выглядели они совсем по-деревенски: длинные передники, платочки на головах. Для завершенности образа не хватало только кулька семечек.

– Дамы, будьте добры, подскажите... – обратилась я к местным жительницам.

Пенсионерки изумленно на меня воззрились, вероятно, подобное обращение они слышали не часто.

– В вашем доме недавно убили женщину, в какой квартире это было?

– В двадцатой, – простодушно ответила первая пенсионерка.

– А вам зачем? – сощурилась вторая.

– Я из страховой компании, принесла родственникам покойной бумаги на подпись, а адрес потеряла.

Первая пенсионерка сочувственно защелкала языком, но вторую мне провести не удалось.

– А в бумагах разве адрес не указан? – въедливо спросила она.

– Извините, это конфиденциальная информация, – ответила я и устремила к первому подъезду.

Когда Сергей ответил по домофону, голос у него был неприветливый. Я принялась сбивчиво объяснять:

– Привет, это Люся Лютикова, Танина подруга. Извини, только узнала о твоём горе, решила зайти, поддержать тебя в тяжелую минуту.

Мой визит выглядел подозрительно, мы никогда не дружили.

– Спасибо, – сухо ответил мужчина, не торопясь открывать подъездную дверь.

– Впустишь меня? – прямо спросила я.

До моего уха донеслось приглушенное, сказанное в сторону «Вот привязалась!», но кнопку домофона Сергей все-таки нажал.

Позвонив в дверь двадцатой квартиры, я битых три минуты стояла, прильнув ухом к замочной скважине, и напряженно прислушивалась к тишине. Когда надежда попасть внутрь угасла, Сергей открыл-таки дверь. При взгляде на него всё мое раздражение испарилось. Выглядел мужчина неважно: лицо опухшее, на щеках трехдневная щетина, глаза красные. То ли пил, то ли плакал, а может, и то, и другое одновременно. Я почувствовала себя последней свиньей. Человек скорбит по убитой матери, переживает предательство жены, и визиты посторонних людей никак не способствуют улучшению настроения.

Сергей молча развернулся и ушел на кухню. В квартире царил жуткий бардак, очевидно, здесь уже две недели не убрали, я могла бы пройти прямо в уличных туфлях, но все-таки предельно тихо, словно тут еще находилась покойница, переобулась в тапочки и последовала за хозяином.

Мужчина сидел на табуретке и курил, тупо уставившись в пространство. Перед ним в пепельнице на заляпанном столе уже лежала целая гора окурков.

Я села на соседнюю табуретку, тяжело вздохнула и спросила:

– Это правда, что ты собираешься разводиться с Таней?

Мужчина кивнул.

– Думаешь, это она убила Еву Ивановну?

Еще один кивок.

– Но ведь это совсем на нее не похоже! – воскликнула я. – Танюшка – спокойный, уравновешенный человек! Взять хотя бы эту ситуацию с едой, пропадающей из холодильника. Другая невестка на месте Татьяны давно бы уже устроила скандал, а она три месяца – целых три! – продолжала безропотно готовить разносолы. Это ее очень положительно характеризует!

Впервые на лице Сергея промелькнули эмоции.

– Ага, характеризует, – усмехнулся он. – Я тебе сейчас один случай расскажу, который ее тоже характеризует. У нас на даче сосед подворовывал урожай. Вроде не много брал, но все равно неприятно: приезжаешь на выходные, а грядки потоптаны, самая крупная клубника собрана, осталась гнилая мелочь. Мы точно знали, что это он, другие соседи видели, как он по нашему огороду шарился, но доказать ничего не могли. Да и что с него взять, этот мужичок вроде как бомж, родственники выгнали его из квартиры, живет на даче круглый год, естественно, попивает, а наши ягоды, скорее всего, продает на станции и покупает на эти деньги закуску...

Я, обрадованная тем, что разговор начал клеиться, затаила дыхание, а Сергей рассказывал дальше:

– И вот как-то в октябре мы закрыли на зиму дом, отключили электричество, воду, уже собрались уезжать, а я вдруг в последнюю минуту замечаю, что в беседке на столе стоит бутылка водки. Как она там очутилась, непонятно. Хотел убрать бутылку в дом, а Танька говорит: «Не трожь, это я для соседа приготовила». «Не жирно ли ему, – спрашиваю, – еще и водку вылакать к нашей картошке?». Месяцем раньше сосед с нашего огорода три ряда картошки выкопал. «Не жирно, – отвечает, – в самый раз. Поехали, на электричку опаздываем!». Но я взял бутылку, отвинтил крышку, понюхал – а там не водка, а этиловый спирт! Сосед, не разобравшись, выпил бы и гарантированно умер от отравления. Весной мы бы приехали на дачу, а его труп уже разложился. Вот и подумай, с какой стороны это Таньку характеризует!

– Неужели она могла убить человека из-за ведра картошки? – не поверила я.

– Там не только картошка была, я же говорю, и клубнику сосед воровал, и крыжовник, и морковь...

– Убийство из-за пучка морковки?

– Получается, что да: она расчетливо спланировала убийство из-за пучка морковки. Если бы я не заметил бутылку, именно так бы и произошло.

Я все еще отказывалась верить в то, что подруга убила свою свекровь. По крайней мере, я плохо представляла Чижову с ножом в руках. Если история про бутылку правда, то Татьяна, намереваясь разделаться с Евой Ивановной, скорее всего, действовала бы по такой же схеме: отравила бы еду в холодильнике, чтобы воровка, уплетая чужие котлеты, получила по заслугам. Но вонзить нож в человека, да еще в женщину, в мать собственного мужа – на это мало кто способен!

Словно услышав мой внутренний монолог, Сергей сказал:

– Они с матерью в последнее время часто ссорились. Цапались по мелочам. А в то утро они вдрызг разругались на кухне, так вопили, что мне пришлось выйти из комнаты, чтобы их успокоить.

– Так ты был в квартире? – быстро спросила я. – Видел, как всё случилось?

– Как произошло убийство, я не видел. После ссоры развел мать и жену по разным комнатам, а сам ушел к приятелю в гости. Не мог я смотреть на их перекошенные физиономии, понимаешь? Очевидно, позже ссора вспыхнула вновь, и тогда уже они не ограничились одними словами. Эх, не надо было мне уходить!

В этот момент в дверь позвонили – требовательно, настойчиво. Кто-то не переставая жал на кнопку звонка и одновременно стучал ногами в железяку. Сергей с отрешенным видом поплелся открывать.

– Безобразие, опять нас заливаете! – раздался визгливый женский голос из прихожей.

– Вода с потолка водопадом хлещет! – вторил ему мужской.

– У меня ничего не течет, – стал оправдываться Сергей, – можете сами пройти посмотреть.

Честная компания потопала в ванную, а я, воспользовавшись этим обстоятельством, проскользнула в боковую комнату, которую, насколько я помнила, раньше занимала Ева Ивановна.

Комната оказалась совсем маленькой, на площади около восьми метров впритык стояли тахта, трехстворчатый платяной шкаф и тумбочка с телевизором. В нос ударил затхлый запах бедности и лекарств. Здесь царил жуткий беспорядок: дверцы шкафа распахнуты, содержимое полок бесцеремонно сброшено на пол, латанные женские панталоны валялись вперемежку с черно-белыми фотографиями.

Мой взгляд выхватил из кучи прямоугольник нежно-голубого цвета. Сберегательная книжка! Я бегло просмотрела банковские записи. Каждый месяц Еве Ивановне Лукаш начисляли одну и ту же сумму, очевидно, пенсию по инвалидности. Я отметила, что в пятницу, за день до убийства, женщина сняла с книжки все деньги. Чуть больше четырехсот восьмидесяти тысяч рублей, это была ее пенсия за три года!

Зачем пенсионерке понадобилась такая крупная сумма? Полмиллиона! А вдруг Еву Ивановну убили из-за этих денег? Но хорошенько поразмыслить над этой версией мне не удалось, голоса за дверью становились всё громче, и я выскользнула в коридор.

В ванной тем временем нарастал скандал.

– Вскрывай стену! – требовал сосед снизу.

– Вы же видите, сантехника в порядке, воды нигде нет, – сопротивлялся Сергей.

– Значит, протекает где-то в стене, – напирала тетка, – надо отодрать плитку и посмотреть трубы.

Я вступилась за Сергея:

– Отстаньте от него! Как не стыдно, чего вы привязались с этими трубами, неужели не знаете, что у человека мать убили? У вас вообще есть совесть?!

– У нас евроремонт, – заявила тетка, все-таки немного сбавляя обороты.

– Возможно, вода к вам бежит по перекрытиям из другой квартиры. Вы у всех соседей были?

Мужик с теткой озадаченно переглянулись.

– Вот сходите и посмотрите, – сказала я, ненавязчиво подталкивая наглых визитеров к выходу.

Когда за соседями закрылась дверь, Сергей выдохнул:

– Уф, слава богу, ушли! Мне сейчас не хватало только оплачивать им ремонт! Денег в доме ни копейки!

– На похороны потратился? – понимающе кивнула я. – И передачи для Татьяны в следственный изолятор тоже, наверное, бьют по карману?

– Без передач обойдется, – буркнул мужчина. – Я же сказал, что скоро с ней разведусь.

– Может, не стоит торопиться? А если выяснится, что это не она убила Еву Ивановну?

– А кто же еще? – искренне удивился Сергей. – У матери других врагов не было.

– Может, ее убили из-за денег?

– Каких денег? У матери в кошельке едва триста рублей набралось. В шкатулке, где она хранила сбережения, тоже пусто. Мало того что она жила за наш счет, так еще и «похоронные» не приготовила!

– Вообще-то, – возразила я, – женщине пятидесяти трех лет рановато было думать о смерти и собирать деньги на гроб, ты не находишь?

Однако меня удивило, что Чижов не сказал про полмиллиона рублей, которые Ева Ивановна незадолго до смерти сняла со сберкнижки. Он определенно про них знал, не мог не знать – сберкнижка лежит на самом видном месте. Знал, но ни словом не обмолвился. Почему?

И еще меня поразил тон, каким Сергей отзывался о матери. В нем не было ни любви, ни скорби, одно лишь раздражение.

Глава 5

Поскольку от Сергея я мало чего добилась, то решила поговорить с соседями. Соседи знают про нашу жизнь такие подробности, которые, порой, не ведомы даже близким родственникам. Особенно если проживаете вы в обычном панельном доме с низким порогом слышимости и достоянием общественности становится буквально каждый чих. Да что там панельные дома! Даже если вам посчастливилось обитать в элитном жилье в центре Москвы, но коль скоро у вас есть соседи, значит, секретов у вас не осталось.

Взять, к примеру, моего соседа с верхнего этажа, маршала Ларионова. Я знаю его секрет. Этот суровый дядька, который всегда держится так, словно шпагу проглотил, по вечерам смотрит женские ток-шоу. Маршал – вдовец, живет один, он немного туговат на ухо, поэтому включает громкость на полную мощность, и я слышу каждое слово ведущих и эмоциональные комментарии, которые отпускает по ходу передачи сам маршал:

– Конечно, девочка, он тебе изменяет, и ты еще сомневаешься?!

– С твоей лучшей подругой, представь себе!

– Бросай его, он тебя не достоин!

Мелочь, скажете вы? Не является компроматом? Ну хорошо, а как насчет банкира Фридмана, обитающего со мной на одной лестничной площадке? В глазах всех окружающих он – примерный муж с двадцатилетним стажем семейной жизни, и только я знаю, что последние три года он изменяет супруге. Может, и раньше изменял, вот только соседствуем мы лишь три года. Причем Фридман не гуляет направо и налево, у него постоянная любовница, и для заинтересованных лиц я могу составить ее портрет: огромные глаза на выкате, широкий рот, вздернутый носик, девушка похожа на симпатичную лягушку, напавшую на блондинистый парик.

Клянусь, специально у дверного глазка не дежурю, к шорохам из соседней квартиры не прислушиваюсь, а совершенно случайно сталкиваюсь с Фридманом и его пассией около лифта. Так и подмывает поинтересоваться у банкира: «И зачем же ты, мил человек, тащишь любовницу в семейную постель? Неужели не хватает денег снять гостиницу? Ведь не ровен час кто-нибудь донесет законной супруге!». Хотя блондинистая лягушка, скорей всего, именно этого и добивается.

На лестничной площадке Евы Ивановны располагались четыре квартиры. Я принялась жать на кнопки звонков. В двух квартирах никого не оказалось, а в третьей дверь открыла пожилая дама в махровом халате.

– Здравствуйте, – бойко начала я, – я из страховой компании, хочу поговорить о вашей соседке Еве Ивановне. У вас найдется свободная минутка?

Судя по той готовности, с какой пенсионерка распахнула дверь, судачить о соседях она могла часами.

Мы устроились на кухне, и хозяйка, которую аж распирало от нетерпения, выпалила:

– Невестка ее убила, Танька, больше некому!

– Почему вы так думаете? – оторопела я.

– В день убийства в их квартире стоял ужасный шум. Ева Ивановна и Татьяна ссорились, я явственно слышала, как Танька кричала: «Больше вы не будете надо мной издеваться, я положу этому конец!». Вот, значит, и положила... Я и следовательно об этом рассказала.

– И часто они так ссорились?

– Впервые. Но это ничего не значит. Моя невестка тоже ко мне всегда подлизывается: «Нина Егоровна, какая у вас кабачковая икра вкусная, дайте рецепт!», но, подвернись ей случай, зарежет меня и даже не поморщится!

– Господь с вами! – ахнула я. – Какие ужасы рассказываете!

– Да она в открытую желает мне смерти! Цветы дарит – всегда четное количество, как покойнице.

– Прямо-таки приносит на день рождения два тюльпана? – не поверила я.

– Нет, она хитрее действует. Подарит три штуки кустовых роз, а их там целая куча на ветке, думает, я не соображу посчитать. А я считаю! И всегда их – четное количество! В этом году было пятьдесят четыре розочки, в прошлом – шестьдесят шесть, в позапрошлом – сорок восемь. У меня здесь, – пенсионерка постучала себя по черепной коробке, – всё записано.

– Может, случайность? – предположила я.

– Каждая случайность на самом деле – неосознанная закономерность, – сухо промолвила дама. – И десять лет – это не случайность, это уже приговор.

Ну, знаете! Если бы на протяжении десяти лет кто-то дарил мне розы, я бы чувствовала благодарность. А собеседница, кажется, ощущала только ненависть. С перекошенным лицом она продолжала перечислять злодеяния невестки:

– Позорит меня перед соседями, прямо на улицу стыдно выходить! Такое вытворяет, что не могу людям в глаза смотреть!

Я представила картину: невестка на детской площадке распивает с посторонними мужиками водку, а потом, взобравшись на «грибок», танцует голышом канкан.

– Занавеску в зале всё время отодвигает.

Я не поверила своим ушам:

– Занавеску?

Пенсионерка кивнула.

– Ну да, каждый раз, когда приходит в гости, отодвигает занавеску в зале. А мне потом соседка заявляет, что у меня шторы криво висят!

– Вы живете на пятом этаже, – напонила я.

– Ну и что? Люди-то всё замечают, выводы делают.

До меня дошло, что тетка малость не в себе. А может, и не малость. Я мгновенно прониклась жалостью к ее невестке и неожиданно ощутила симпатию к собственной свекрови. На фоне этой мнительной жабы Ариадна Васильевна выглядела смиренным ангелом, мирно сидящим около камина и вяжущим носки.

– Да, сочувствую, – сказала я, не уточняя, кому именно. – Нина Егоровна, я вижу, вы женщина наблюдательная, может, вы в курсе, куда Ева Ивановна выносила

еду?

– Какую еду?

– Последнее время у ваших соседей из дома пропадала еда. Татьяна готовила на целую неделю, а кастрюли пустели за сутки. Сын с невесткой подозревали Еву Ивановну...

– Они ее куском хлеба попрекали! – возмутилась пенсионерка. – А сын Сергей тоже хорош: на похоронах матери ни слезинки не пролил! Зачем Ева Ивановна только с ними жила? Пошла бы к брату, он бы принял, все-таки не чужая.

– У Евы Ивановны есть брат? – удивилась я.

– И богатый! У него своя фирма.

– Как его зовут?

– Имя такое чудное... Арнольд... Аскольд... Альберт... Да, точно – Альберт!

– Его телефон вы, конечно, не знаете.

– Отчего же, знаю. – Хозяйка приподнялась со стула и принялась рыться в стопке газет, лежащих на столе. – Куда же я положила? Где-то здесь была... Нашла! Вот его фирма.

Она протянула рекламную листовку фирмы «Start international» – «Международный старт». Компания с таким громким названием занималась организацией обучения за границей, и спектр ее услуг был широким: от двухнедельных языковых курсов до получения высшего образования в Гарварде.

– Можно, я возьму? – спросила я.

Пенсионерка кивнула:

– Берите, мне ни к чему. Покойница Ева Ивановна хотела, чтобы я своего внука на лето в Англию отправила. У меня-то самой денег нет, я сыну эту идею подкинула. Но невестка решила, что лучше она себе третью шубу купит, чем на образование ребенка потратится. Одним словом, не мать, а ехидна!

Я предпочла деликатно промолчать и, прихватив рекламу, двинулась к выходу.

Как следовало из листовки, фирма «Международный старт» располагалась на улице Александра Солженицына, в двух шагах от метро «Марксистская». Раньше эта улица называлась Большая Коммунистическая, но в 2008 году ее, вместе с соседней Малой Коммунистической, переименовали.

Вот честно – не одобряю я эти переименования! Понятно, что государственный строй сменился, мы больше не идем уверенным шагом к коммунизму, но, по моему мнению, уж коли была такая веха в истории страны, ее следует оставить на карте. А если кому-то хочется увековечить память писателя Солженицына – пожалуйста! В Москве полнейшая неразбериха с названиями улиц, куча повторяющихся и бессмысленных наименований. Например, в районе метро «Кожуховская» присутствуют сразу три Кожуховских улицы, причем счет, вопреки правилам арифметики, почему-то начинается с пяти: 5-я Кожуховская, 6-я Кожуховская и 7-я Кожуховская. Рядом расположен 2-й Кожуховский проезд – при отсутствии первого. При этом на другом конце города, в районе Косино-Ухтомский, на самой границе с Люберцами, находится собственно Кожуховская улица. Вот – берите этот бардак, переименовывайте во что-то более приличное! Нет, обязательно надо прицепиться к Коммунистической!

Раздумывая таким образом, я поднялась на улицу из метро – и попала под ливень. Летние грозы обычно быстро заканчиваются, два десятка человек толпились в подземном переходе и ждали, когда с неба перестанет литься вода. Но мне ждать некогда, дел по горло, тем более что идти от силы три минуты, как-нибудь проскочу...

Через три минуты, вбежав в старинный особняк, отданный под бизнес-центр, я выглядела словно трудолюбивый енот-полоскун, который сутки не вылезал из реки. Волосы слиплись, тушь потекла, в туфлях хлупает вода. Беседовать в таком виде невозможно, тем более с владельцем фирмы, и я отправилась на поиски туалета. Он нашелся в конце коридора, я сразу же засунула голову под сушку для рук. Высушив волосы, я принялась горестно разглядывать в зеркале остатки макияжа.

Эх, хорошо было в детском саду: бантик прицепила – и уже красавица! А сейчас: накладываешь основу под тональный крем, потом сам тональник и румяна, дальше берешь тени для век, карандаш, тушь, помаду, пудру – и всё это должно быть нанесено аккуратно и сочетаться друг с другом. Мрак! Конечно, можно не тратить полчаса на макияж, а обойтись натуральной красотой – вернее, тем, что от нее в тридцать пять лет осталось. Но тогда я выгляжу... никак, просто никак. Выцветшая моль, глазу не за что зацепиться. Так что декоративная косметика – это не роскошь, а жизненная необходимость. Высунув кончик языка от усердия, я принялась наводить марафет.

В туалет зашла девушка с чашкой в руках. Сунув чашку под кран, она сказала, обращаясь к своему отражению в зеркале:

– Дела на фирме идут плохо, клиентов мало, прибыль даже не покрывает арендную плату. Мне зарплату на два месяца задерживают.

Я удивленно воззрилась на девушку: разве мы знакомы, что она ко мне обращается? И тут заметила наушник у нее в ухе. А, понятно, девица разговаривает по мобильнику!

– Директор набрал кредитов, – продолжала она, – теперь не может отдать. Дошло до того, что он продает свою квартиру, рассчитывает с вырученных денег расплатиться с банком. А поскольку он не хочет отдавать комиссионные риелтору, мне приходится еще заниматься продажей этой квартиры. Дело осложняется тем, что в квартире кто-то живет, я могу показать только план БТИ и объяснить на пальцах, куда выходят окна. Сама я там никогда не была и имею смутное представление. Ну и кто купит такую квартиру? Вот ты лично, Марин, купила бы? Конечно, покупатели чувствуют какой-то подвох и не перезванивают. Ох, прямо не знаю, что и делать! Не жизнь, а одна нервотрепка! Вот такие у меня новости, подружка. Ну, пока, мужу привет передавай!

Энергично встряхнув чашку, чтобы из нее выпали последние капли, девушка направилась к двери. Я ее окликнула:

– Позвольте дать вам совет: бегите!

Она застыла на месте:

– Куда?

– Не куда, а откуда – из этой фирмы. Здесь ловить нечего. Директор решает свои проблемы за ваш счет. Долг по зарплате он вам не выплатит, сколько таких случаев я знаю. Чем тратить время и силы на продажу его квартиры, лучше ищите другую работу. Вы кто по специальности?

– Секретарь.

– Ищите другую работу, – кивнула я, – вакансий сейчас много. А ваш директор ничего не заплатит.

Девушка в растерянности пробормотала:

– Но он обещал...

– Обещать не значит жениться.

Секретаршу смутило это расхожее выражение.

Судя по ее пунцовым щекам, директор действительно обещал на ней жениться.

– Он женат, да? – догадалась я.

Собеседница дернула головой, словно от пощечины.

– Вам-то что за дело? – раздраженно бросила она и покинула уборную.

Я вздохнула: и сколько же женщин наматывают на уши эту лапшу! Сначала дети маленькие, они не перенесут развода, потом хомяка жалко, в неполной семье ему гарантирован невроз, а там, глядишь, у жены давление стало скакать – вдруг скопытится, если муж уйдет? Вот он и вынужден, бедолага, терпеть ненавистную супружницу. А так бы сразу к любовнице убежал, правда-правда, вот только шнурки погладит.

Глава 6

Открыв дверь с вывеской «Start international», я оторопела: на секретарском месте сидела та самая девушка, с которой мы только что разговаривали в уборной. Увидев меня, она смутилась.

– Неужели ваш директор продает единственное жилье? – поинтересовалась я, чтобы сгладить неловкость.

– Почему единственное? Он живет на Арбате, а продает квартиру на Изумрудной улице.

– Изумрудная, дом три, квартира двадцать? – быстро спросила я.

Девушка распахнула глаза:

– А вы откуда знаете?

Оттуда, что это адрес, по которому жила покойная Ева Ивановна. Однако я помнила, что говорила Танька Чижова: квартира принадлежит бабушке Сергея, поэтессе. Да что это за бабушка такая, которая решила вышвырнуть внука на улицу, когда и сорока дней не прошло со дня убийства матери? Нормальные люди кошку из дома не выкинут, а тут – родной внук.

– Дело в том, что я как раз хочу купить эту квартиру, – сказала я. – И по этому поводу мне необходимо поговорить с вашим директором.

– Пожалуйста, проходите, – обрадовалась девушка. – Альберт Михайлович сейчас на месте.

Она даже привстала, чтобы открыть дверь в директорский кабинет. В ее сердце затеплилась надежда наконец-то получить свою зарплату.

Михайлович? Она сказала – «Михайлович»? Но у Татьяниной свекрови другое отчество – Ивановна. Ладно, потом разберусь.

Брат Евы Ивановны выглядел чрезвычайно молодо, я бы дала ему от силы тридцать лет. При моем появлении Альберт Михайлович оторвался от компьютера, встал из-за стола и расплылся в широкой улыбке.

– Спасибо, что выбрали нашу компанию! – бодро начал он. – Мы даем старт в международной карьере! Что вас интересует: курсы английского языка на родине Шекспира? Или хотите отправить ребенка на учебу в Великобританию?

– Нет-нет, я совсем по другому вопросу.

Узнав, что я не собираюсь платить за образовательные услуги, мужчина мгновенно убрал с лица фальшивую улыбку и сухо поинтересовался:

– По какому же?

– Меня интересует квартира на Изумрудной улице, которую вы продаете...

– Все вопросы к секретарю, – прервал директор. – Она покажет вам план БТИ и прочие документы.

– Меня интересует свидетельство о собственности на данную квартиру. У вас есть такой документ?

Альберт Михайлович криво усмехнулся:

– Вы же не думаете, что я ношу с собой оригинал?

– Мне достаточно увидеть ксерокопию.

– Что за странные требования! – передернул плечами директор. – Я же не прошу вас показать пять миллионов рублей, которые вы должны заплатить за квартиру. Вот выйдем на сделку, тогда и увидите полный комплект документов.

Я поразились – пять миллионов? Да за эти деньги сегодня убитую «однушку» около МКАД не купишь, не существует их в природе, а тут – добротная «двушка» рядом с метро. С чего вдруг такая дешевизна? Я прямо спросила об этом директора.

– А что тут непонятного? – отозвался Альберт Михайлович. – Продаю квартиру дешево, потому что срочно нужны деньги, у меня финансовые проблемы. Моя потеря – ваша выгода, пользуйтесь!

– Я бы с удовольствием воспользовалась, но необходимо прояснить один момент. Насколько я знаю, владелица квартиры – дама семидесяти лет от роду, а вы ни по полу, ни по возрасту не соответствуете этому описанию. На каком основании вы продаете недвижимость?

У собеседника отвисла челюсть:

– Откуда у вас информация? Кто вы?

– Я – частный детектив, действую в интересах своих клиентов, которые хотели бы приобрести данную квартиру. Их насторожило, что в квартиру нельзя попасть, поэтому они обратились ко мне за помощью, чтобы я прояснила ситуацию. Если недвижимость криминальная...

– Ну что вы, никакого криминала, – расплылся в улыбке Альберт Михайлович. – С точки зрения закона квартира абсолютно «чистая».

– Если не считать того, что недавно в ней убили человека. Женщину!

– Да, убили мою сестру, – смиренно согласился директор, – но не в самой квартире, а рядом с ней, на лестничной площадке.

– Это мало меняет суть дела. Данное обстоятельство сильно снижает стоимость жилья.

– Стоимость и так снижена, – ввернул собеседник.

– До тех пор, пока следствие не закончится, сделка вряд ли возможна. А вдруг владелец квартиры окажется убийцей и угодит в тюрьму? Вы можете гарантировать, что сделка не будет оспорена?

– О, здесь вы можете не беспокоиться, убийца уже сидит в тюрьме. Это невестка моей покойной сестры, весьма изворотливая особа. Никаких прав на квартиру у нее нет, она только была временно зарегистрирована по этому адресу, срок регистрации истек два дня назад. Вот справка из паспортного стола.

Жестом фокусника Альберт Михайлович вытащил откуда-то бумагу, которую я принялась изучать.

Еще совсем недавно на сорока шести квадратных метрах общей площади были зарегистрированы пять человек: Евдокия Ивановна Лукаш – насколько я понимаю, владелица квартиры, ее сын Альберт Михайлович Глембовский, ее внук Сергей Вениаминович Чижов, жена внука Татьяна Павловна Чижова и неизвестный мне гражданин Рудольф Сергеевич Парамонов. С учетом того, что срок регистрации Татьяны закончился, теперь в квартире имели право проживать только четыре человека.

– Кто такой Рудольф Сергеевич Парамонов?

– Мой старший брат, – ответил господин Глембовский, – он пропал без вести десять лет назад. Подозреваю, что его уже нет в живых.

– Его не выписали из квартиры? Обычно таких людей выписывают.

– Мать надеется, что он когда-нибудь вернется. Но не волнуйтесь, после заключения сделки о купле-продаже квартиры он, как и все остальные, будет выписан.

– А почему у него другое отчество?

– Потому что у нас разные отцы. Его отец был сварщиком, мой – архитектором. Моя мать, знаете ли, в молодости была очень эффектной женщиной и пользовалась вниманием мужчин из разных социальных сословий. Да она и сегодня в свои семьдесят лет получает предложения руки и сердца.

– А кем был отец Евы Ивановны?

Альберт Михайлович сделал загадочное лицо.

– Это тайна, покрытая мраком. Грех молодости, какой-то сельский Ромео постарался. Мать забеременела в шестнадцать, родила в семнадцать и, устав от соседских пересудов, уехала из белорусской деревни в Москву.

Я еще раз посмотрела список жильцов: что-то меня в нем смущает...

– Почему покойная Ева Ивановна не была зарегистрирована в квартире?

– У моей матери несколько квартир, Ева была зарегистрирована, вернее, прописана еще с советских времен в другой квартире, на Беговой улице. У нее был сахарный диабет, и она там наблюдалась у хорошего эндокринолога. При СССР нельзя было прикрепиться к любой поликлинике, как сейчас, обслуживали только по месту постоянной прописки.

Про советский институт прописки я и сама прекрасно помню. Выписаться из одного места и прописаться в другое было необычайно трудно. Получить постоянную прописку в Москве – практически невозможно. Это сегодня ты можешь приехать в столицу, купить один квадратный метр жилья и зарегистрировать на нем весь аул. А раньше существовали нормативы, если квартира маленькая, в нее никого не прописывали, только новорожденных детей. И вообще, чтобы сменить место жительства, нужно было иметь веские основания. Впрочем, ушлые люди умудрялись обойти закон. Я знаю семью, где дедушка – ветеран Великой Отечественной войны – несколько раз перепрописывался то к одной дочери, то к другой, то к внуку, и каждый раз ему как ветерану выделяли отличную квартиру в новостройке, дедуля оставлял ее потомкам, и в итоге старичок дожил свои дни в холодном бараке, забытый корыстной родней.

– У матери несколько квартир... – эхом повторила я. – А у вас самого есть собственность?

– При чем тут я? – мгновенно ошетинился директор. – Разговор, кажется, идет не о моих квартирах, а о той, что я продаю.

– Правильно ли я понимаю, что своего жилья у вас нет?

– Да какое это имеет значение? – взорвался Альберт Михайлович, – Я не бомж, живу в большой квартире на Арбате! Девяносто метров!

– Квартира принадлежит вашей жене?

Судя по злобному взгляду собеседника, моя догадка оказалась верна.

Я решила действовать без обиняков.

– А не вы ли, батенька, убили Еву Ивановну? Как я выяснила, у вас огромные долги перед банком, долги по зарплате работникам, вам настоятельно требуются деньги. А продавать кроме этой «двушки» на Изумрудной улице нечего...

– Тогда мне пришлось бы убить всех, кто в ней зарегистрирован, а не только Еву, – деловито заметил директор.

– Однако же вы выставили квартиру на продажу, – возразила я, – значит, устранить сводную сестру оказалось достаточно.

Альберт Михайлович нехотя признался, что собственница квартиры пока не в курсе, что жилье продается. Так что есть вероятность, что сделка не состоится. Впрочем, вероятность эта мала, поскольку он приложит все усилия, чтобы убедить мать, объяснит, насколько ему необходимы деньги.

– У нее куча недвижимости, – рассуждал мужчина, – одной квартирой запросто можно пожертвовать. А когда я снова встану на ноги, куплю матери новую.

– Неужели бабушка выставит родного внука на улицу? – задала я вопрос, который давно меня терзал.

– Сергей никакой ей не внук, он чужой человек.

– Как так?

– Ева вышла замуж за вдовца с ребенком, Сергею на тот момент исполнилось четыре года. Муж через год скорострительно скончался от рака. Куда девать мальчишку? Сдать его в детский дом было бы свинством, и хотя особого контакта с ним не получилось, но мальчик был тихий, послушный, вот Ева его и

усыновила.

Теперь мне стало понятно, почему Сергей спокойно воспринял смерть матери: очевидно, Ева Ивановна так и осталась для него мачехой. Я его реакцию понимала, но никак не извиняла.

А господин Глембовский, который, чувствовалось, недолюбливал племянника, заливался соловьем:

– Тихий-то он тихий, но не зря же говорят, что в тихом омуте черти водятся. В старших классах Сергей стал воровать у Евы деньги. Потом связался с дурной компанией, угнал машину, разбил ее, и Еве пришлось выложить кругленькую сумму, чтобы уголовное дело закрыли. Затем он вроде взялся за ум, поступил в институт, но тут снова напасть – пристрастился к наркотикам. Чтобы вылечить его, Ева продала квартиру. Осталась на старости лет с голым задом, зато спасла пасынка. А зачем? Как будто люди меняются! Сергей – скользкий он тип, работает через пень колоду, постоянно врет. Недавно приходил ко мне, просил денег в долг. Я сказал, что сам в долгах, как в шелках, он зыркнул на меня волчонком...

Я слушала с широко открытыми глазами: Сергей – бывший наркоман?! А Татьяна знала, когда выходила за него замуж?

Увидев мою реакцию, Альберт Михайлович осекся:

– Впрочем, я уже, наверное, утомил вас рассказами о своих родственниках. Я хочу, чтобы вы уяснили главное: квартира юридически чистая, с ней проблем не возникнет, так и передайте потенциальным покупателям.

– Так и передам, – заверила я, устремляясь к выходу.

О, теперь у меня было предостаточно пищи для размышлений. Я вспомнила, что за день до своей смерти Ева Ивановна сняла полмиллиона с банковского счета. Не для непутевого ли пасынка, который влип в очередную историю? И вот еще вопрос: добровольно ли пенсионерка рассталась с деньгами? Может, она сделала это под давлением Сергея, а когда мачеха пригрозила, что обратится в полицию, парень ее убил?

Чем больше я думала о Сергее, тем вероятней казалась его кандидатура на роль убийцы. Взять хотя бы историю с пропажей еды из холодильника. На протяжении нескольких месяцев он не вмешивался, ждал, когда конфликт между женой и матерью разрастется, выльется в открытое противостояние. Возможно, он даже исподтишка подзуживал обеих.

Сергей утверждает, что в тот день, когда Еву Ивановну убили, утром он был дома, а потом отправился к приятелю. Врёт! Далеко он не ушел. Сначала убедился, что крики женщин слышны соседям, а потом подкараулил мачеху на лестничной площадке и всадил ей нож в сердце. И даже если удар пришелся в другое место, всё равно это, без сомнения, был удар в самое сердце.

Глава 7

План действий у меня созрел мгновенно. Я позвонила Сергею домой, но телефон не отвечал. Поскольку был самый разгар рабочего дня, парень, вероятно, поехал на службу. А я знала, где трудится Чижов.

Года полтора назад Татьяна попросила меня об услуге.

– Люська, ты говорила, что у тебя мобильник глючит?

Я кивнула:

– Во время разговора стал отключаться звук.

– Новый купить не хочешь?

– Да собираюсь...

– Отлично, тогда купи у Сережки! Он как раз устроился продавцом-консультантом в салон связи, ему надо зарекомендовать себя. Он тебе подберет недорогой, но хороший телефончик, а ты напишешь ему благодарность в «Книге жалоб и предложений». Начальство это оценит и выдаст премию.

Я удивилась:

– Сергей работает продавцом? У него же высшее образование, он, кажется, инженер?

– Да, инженер-химик, но работы по специальности нет. Ты же знаешь, последние три месяца он сидит на моей шее, я его умоляла устроиться уже хоть куда-нибудь. А в салоне связи, говорят, хорошие перспективы.

Розничная торговля, при кажущейся легкости, – весьма специфическое занятие, и успех на данном поприще приходит к тому, кто открыт, дружелюбен и искренне заинтересован решить проблему покупателя. Ни одним из этих качеств Сергей, на мой взгляд, не обладал. Но я охотно согласилась ему помочь и поехала к метро «Алексеевская», где располагался салон.

На фоне своих коллег, беззаботных студентов, подрабатывающих к стипендии, тридцатилетний Чижов выглядел перестарком. Держался он со мной высокомерно, разговаривал сквозь зубы и, впихнув в руки коробку с телефоном, отправил на кассу. Я списала его поведение на смущение: все-таки тяжело в таком возрасте начинать трудовую биографию «с нуля», а мужчины особенно болезненно переносят падения по социальной лестнице.

Позже, прочитав в Интернете отзывы о мобильниках, я обнаружила, что Сергей впарил мне залежалый товар. За те же деньги можно было подобрать намного более современную и «навороченную» модель. К тому же у телефона оказался на редкость неудобный интерфейс, к которому я долго не могла привыкнуть.

Вскоре Татьяна рассказала, что на службе мужа оценили и повысили сначала до администратора, а потом и вовсе назначили директором салона. Правда, лишних денег это в семью почти не принесло, поскольку статусная должность требует статусных расходов. Но, по крайней мере, теперь амбиции Сергея были удовлетворены, и он больше не отправлялся на работу с кислой физиономией.

На «Алексеевскую» я приехала через двадцать минут и без труда нашла салон связи. Вот только попасть в кабинет директора оказалось проблематично.

– Вы по какому вопросу? – грудью преградила мне путь молоденькая продавщица. – Набором персонала занимается центральный офис.

– Передайте директору, что я ваш новый пожарный инспектор, и у меня, – я обвела суровым взглядом салон, – есть претензии к пожарной безопасности помещения.

Девушка ойкнула и скрылась за дверью с надписью «Не входить». Через минуту оттуда появилась девушка чуть постарше, в синем брючном костюме, отлично сидящем на стройной фигуре.

– Слушаю вас, – сказала она.

Я досадливо поморщилась: очевидно, глупенькая продавщица всё перепутала.

– Я хочу поговорить с директором салона, позовите его, пожалуйста.

– Я директор, – ответила девушка.

– Странно... – протянула я. – А мужчина, который недавно занимал эту должность, он где? Пошел на повышение?

– Какой мужчина? Директор здесь я.

Во мне всколыхнулось раздражение. Ну да, ты директор, это все уже поняли. Очевидно, дама так гордится своим руководящим постом, что ни о чем другом думать не может.

– Сергей Чижов – это имя вам что-нибудь говорит?

Девушка нахмурилась:

– Чижов... Чижов... Ах, ну да, работал у нас такой продавец – Сергей Чижов. Но это было год назад, больше он здесь не работает, его уволили.

– Продавец? То есть Сергей Чижов был рядовым сотрудником?

– А кем еще? – усмехнулась собеседница. – Не директором же!

– За что его уволили?

Директриса выдержала паузу.

– Простите, а какое отношение Чижов имеет к пожарной безопасности?

– Никакого, – быстро ответила я. – С пожарной безопасностью у вас всё прекрасно. Извините за беспокойство.

Недоуменно пожав плечами, дама удалилась. А я подошла к витрине с мобильниками.

Рядом материализовался продавец – худой высокий парень.

– Вам помочь? Кому выбираете телефон – себе или в подарок?

– Вот эту модель покажите, пожалуйста, – я ткнула пальцем в серебристую игрушку.

Пока парень включал телефон, я прочитала его имя на бейджике.

– Николай, вы давно здесь работаете?

– Два года, – охотно откликнулся паренек.

– Тогда вы должны помнить Сергея Чижова.

– Отлично помню, – кивнул Николай, – хотя он и недолго у нас задержался.

– Что случилось? Почему его уволили?

Продавец замялся:

– Я, право, не знаю... не помню... не могу сказать...

– Не бойтесь, говорите, – сказала я, – дело-то давнее, уже и быльем поросло. Так за что уволили Чижова?

Оглянувшись по сторонам, Коля ответил:

– За мошенничество. Он продал пенсионерке подержанный мобильник под видом нового. Ну, старушка-то не разобралась, а внук-третьеклассник, которому предназначался подарок, сразу просёк. Чижова попросили написать заявление по собственному желанию, а он вместо того, чтобы уйти по-тихому, разорался, стал угрожать, ну, его и уволили по статье – за несоблюдение трудовой дисциплины.

Я ловила каждое слово. Получается, Сергей Чижов обманывал жену. На должности продавца-консультанта он не продержался и полгода, его с треском выперли. Но каждое утро он уходил на службу, а вечером возвращался домой. И зарплату муж приносил регулярно. Если бы денег не было, Татьяна наверняка бы насторожилась, а так она – ни сном ни духом. Откуда же Сергей брал деньги? Скорей всего, устроился на другую работу.

– Знаете, где он сейчас работает? Как его найти?

– Без понятия, – ответил собеседник, почесывая переносицу – верный признак, что человек что-то скрывает.

– Послушайте, Николай, признаюсь вам, что я адвокат. Ищу Сергея Чижова, чтобы вручить ему повестку на судебное заседание. Его родственники делят наследство, и участие Сергея очень желательно, чтобы потом не пришлось пересматривать доли. Вы меня понимаете? Дома он, к сожалению, не появляется, и как с ним связаться, я не знаю. Помогите мне, пожалуйста!

Я смотрела на парня снизу вверх и хлопала ресницами.

– Значит, телефон покупать не будете? – грустно спросил Николай.

В ответ я лишь вздохнула.

С унылым видом продавец поставил мобильник обратно за стекло, затем вытащил из кармана собственный телефон и принялся в нем рыться.

Я решила, что разговор закончен, и поплелась к дверям.

– Пойдите! – окликнул меня Николай. – Я же специально для вас ищу. Вот, записывайте номер: девятьсот двадцать шесть...

Я забила цифры в свой мобильник.

– Чей это номер? Чижова?

– Нет, девушки, которую зовут Лана Зебрикова.

– Лана? Это что за имя такое? Сокращенное от Светланы?

– Нет, так в паспорте записано. Она тоже работала в нашем салоне, и они с Сергеем тесно общались. Лана наверняка знает, где его можно найти. Это всё, чем я могу вам помочь.

Я поблагодарила парня и вышла на улицу. Номер телефона – это, конечно, хорошо, боюсь только, толку от него будет чуть. Вот вы станете откровенничать по телефону с незнакомым человеком? Нет, чтобы узнать правду, надо смотреть собеседнику в глаза.

Буквально в тридцати метрах от салона связи располагался магазин косметики и парфюмерии. Всякий раз, когда открывалась дверь, оттуда доносился сладкий аромат духов. Я пошла на этот запах, как крыса идет на звуки дудочки.

Внутри был настоящий рай для женщин. Одна дама тестировала тушь для глаз, другая брызгалась духами, а девушка на кассе заполняла анкету, чтобы получить карту постоянного покупателя, предоставляющую скидку... О, кажется, у меня появилась идея!

Встав около стенда с продукцией Chanel, я набрала номер Ланы.

Ответила она не сразу, с полминуты я слушала музыку – какая-то певица томно мурлыкала на английском языке. Наконец Лана взяла трубку.

– Лана Зебрикова? – монотонным тоном зачастила я. – Здравствуйте! Вас беспокоят из магазина косметики и парфюмерии...

Не договорив, я повернула телефон в торговый зал, где продавщица как раз весьма к месту громко посоветовала покупательнице:

– Оранжевый лак для ногтей очень моден в этом сезоне.

– Какой магазин? – переспросила Лана.

Сделав вид, будто не услышала вопроса, я частила дальше:

– Недавно мы проводили лотерею среди владельцев клубных карточек, и вы оказались в числе десяти победителей. Поздравляю!

– А какой приз? – обрадовалась Лана.

Я пробежалась взглядом по коробкам с парфюмерией.

– У вас есть выбор: духи «Шанель № 5», классический вариант для женщин среднего возраста, либо новинка – туалетная вода от Кензо, смелый, сексуальный аромат для девушек.

– Я беру Кензо, – быстро сказала Лана.

– За призом можете подъехать в наш офис, который располагается в Зеленограде, либо мы пришлем вам курьера. Проблема в том, что у курьера сегодня последний рабочий день, а победителей много, так что он сможет приехать, скорее всего, уже поздним вечером.

Мне совсем не улыбалось разговаривать с Ланой на ее работе, второпях и с оглядкой на начальство. В домашней обстановке люди куда как откровеннее.

– Я сегодня весь день дома, – сказала девушка, – приезжайте в любое время.

– Отлично, тогда давайте уточним ваш домашний адрес.

Лана назвала улицу, номер дома и квартиры.

– Ждите курьера, – сказала я и отключилась.

Вуаля! Вот это я называю мастерством. Радостно улыбаясь, я побрызгалась «Шанелью № 5». Как неоднократно подчеркивала моя свекровь, я уже далеко не юная дева, так что надо соответствовать своему возрасту.

Глава 8

Большинство девушек с маленькой грудью хотят ее увеличить. Большинство же девушек с большой грудью не хотели бы, чтобы девушки с маленькой грудью ее увеличили.

Я смотрела на Лану Зебрикову, но видела только ее бюст. Нет, даже не так, а большими буквами – БЮСТ. Это было нечто. Белая кофточка плотно облегла два арбуза средних размеров. Или два футбольных мяча. Или два воздушных шарика. Или... В общем, и без дальнейших сравнений понятно, что передо мной находилось нечто выдающееся. Если грудь натуральная, то это явно какое-то уродство, гормональное нарушение. А если она искусственная, то в нее вложено тысяч двадцать долларов, никак не меньше.

– Давайте подарок, – сказала Лана.

– А? – спросила я, не отрывая глаз от арбузов.

Если у меня, гетеросексуальной женщины, такая реакция, представляю, что творится с мужиками!

– Вы же сказали, что привезли подарок, – раздраженно сказала Лана. Очевидно, внимание дамы средних лет – это был не тот эффект, на который она рассчитывала.

По домофону я представилась курьером из парфюмерного магазина, и Лана впустила меня в подъезд. Затем подружка Сергея Чижова открыла дверь квартиры – и я выпала в осадок. Только невероятным усилием воли мне удалось отвести глаза от ее груди и взглянуть чуть выше.

Лицо у Ланы было... никакое. Нет, возможно, само по себе оно было приятное и даже симпатичное, но поскольку рядом находилась грудь из немецкого порно, то лицо было никакое. С футбольными мячами может конкурировать только лицо обладательницы титула «Мисс мира», все остальные физиономии покажутся пресными и невзрачными.

– Духи отдайте, – устало повторила Зебрикова.

– Лана, извините, но я вас обманула. Я не курьер, и приехала к вам совсем по другому вопросу.

– По какому?

Я открыла рот, чтобы соврать что-нибудь поинтереснее, но тут мой взгляд снова сполз на футбольные мячи, и все мысли выскочили из головы.

– Простите, вы не могли бы чем-нибудь прикрыться? Накинуть шаль, например?

Девушка усмехнулась:

– Странная просьба. Я вас смущаю?

Тем не менее она достала из шкафа куртку и набросила ее на плечи.

– Если честно, то да, смущаете. Даже не представляю, как реагируют мужчины.

Лана улыбнулась:

– Они от меня без ума!

– А Сергей Чижов? Он тоже от вас без ума?

Зебрикова резко перестала улыбаться:

– Вы кто?

– Да как вам сказать... Я его жена.

Мысль представиться супругой Сергея пришла ко мне неожиданно. И столь же неожиданной оказалась реакция собеседницы.

Обхватив грудь руками, так что она стала похожа на баскетбольную корзину, в которой застряли два мяча, Лана закричала:

– Стойте! Не бейте меня! Только не в грудь, швы еще не зажили! Умоляю, только не в грудь!

У меня мелькнула догадка, что какая-то разгневанная супруга уже пыталась намять бока грудастой сопернице.

– Успокойтесь, пожалуйста, я не собираюсь с вами драться, я хочу только поговорить. Честно, мне нужно лишь задать несколько вопросов.

– Задавайте ваши вопросы и уходите, – прошипела Лана, все еще прикрываясь руками.

– Мы с Сергеем давно не живем как муж и жена, – вдохновенно врала я, – у нас скорее приятельские отношения. Мне казалось, что мы откровенны друг с другом, однако я обнаружила, что он многое от меня скрывает. Я понимаю, почему он скрывает вас, тут нет ничего удивительного, вы ведь наверняка не журнал «Мурзилка» под одеялом читаете...

– Да уж, – вставила Лана.

– Но почему Сергей не сказал мне, что уволился с работы? Буквально сегодня я случайно узнала, что он больше года не работает в салоне сотовой связи.

– Там работают одни лузеры, – презрительно заметила Зебрикова, опуская руки. Кажется, она больше меня не боялась.

– Возможно, – не стала спорить я, – но сейчас-то Сергей где трудится?

– Он начал свое дело.

– Хм, и какое же?

– Точно не знаю, спросите у него сами.

Она определенно знала, только не хотела говорить.

– Хорошо, спрошу. И вот еще какой вопрос меня терзает. Почему Сергей со мной не разводится? Я ему не раз предлагала: раз любовь ушла, к чему сохранять формальный брак, давай разведемся, и каждый попытается создать новую семью. Почему же он не соглашается?

Эту тему я завела неспроста. Известно же, что все любовницы очень хотят занять место законной супруги. Бог знает, зачем им это надо, ведь если любовница станет женой, тогда ее место любовницы займет другая женщина. Но каждая дама считает себя единственной и неповторимой и уверена, что избежит подобной участи. Вот и Лана, как я рассчитывала, разозлится, узнав, что Сергея никто не держал в семье, что он сам не хотел бросать супругу, и в запале расскажет мне что-нибудь интересное.

Однако, вопреки моим ожиданиям, Зебрикова отреагировала спокойно.

– Ясно почему, – протянула она, – должен же ему кто-то передачи в тюрьму носить.

– Не поняла – какие передачи?

Любовница что-то путает, ей бы лучше мозги нарастить, а не грудь. Это ведь Татьяну обвиняют в убийстве свекрови, это она находится под следствием, а не Сергей.

– На вашего мужа завели уголовное дело, разве не знали?

Мое изумление было неподдельным:

– Впервые слышу! А за что?

– Незаконный оборот драгоценных камней, он торговал бриллиантами.

– Бриллиантами?! Откуда же он их брал?

– Ничего не знаю, – поспешно сказала Лана, – меня в это дело не впутывайте.

Я напустила на лицо озабоченность:

– И сколько же Сергею грозит?

Девушка возвела глаза к потолку.

– Он что-то говорил про лишение свободы на срок до пяти лет плюс штраф до полумиллиона рублей, как-то так...

Я задумалась: полмиллиона рублей. Как раз такая сумма исчезла со сберкнижки Евы Ивановны за день до смерти. Простое совпадение?

– А вы спрашиваете, почему он разводиться не хочет, – усмехнулась Лана. – Да за пять лет в тюрьме без передач с воли он загнется!

– А вы? Разве не поддержите любимого в тяжелую минуту?

– Вот еще! – фыркнула Лана. – Делать мне больше нечего – чужие проблемы разгребать.

– Ну как же, я так понимаю, у вас любовь...

Девушка захохотала:

– Я вас умоляю, какая любовь! Он мне сиськи помог сделать.

Я в недоумении уставилась на футбольные мячи. Так это что, кустарная работа?!

– Не сам, конечно, – поправилась Лана, – их делал хороший хирург в дорогой клинике, Сергей только денег дал.

– И сколько же стоит такой размерчик?

– Ох, не спрашивайте, новую японскую машину купить можно!

Наверное, как законная супруга Чижова я должна была возмутиться: деньги из семейного бюджета профуканы на посторонние сиськи! Но журналистское любопытство победило.

– Зачем же вам понадобилась такая большая грудь? – миролюбиво поинтересовалась я.

– Чтобы выйти замуж за олигарха, – ответила Зебрикова.

– Но разве для этого грудь нужна?

– А что же еще? – искренне удивилась Лана. – Посмотрите на жен банкиров, футболистов, бизнесменов – у всех искусственные сиськи не меньше четвертого размера, я вижу, у меня глаз наметан.

– А у вас какой размер?

– У меня, – девушка любовно огладила шары под курткой, – девятый. Лифчики шью на заказ.

Признаюсь, что люди, у которых есть цель в жизни, вызывают у меня интерес, даже если цель дурацкая.

– Как же вам пришла в голову эта идея – поймать олигарха на большую грудь?

Лана уловила нотки восхищения в моем голосе и принялась горделиво рассказывать:

– Вообще-то идею подсказала подруга Алка, она сама решила так сделать. Только она сглупила: взяла в банке потребительский кредит, увеличила сиськи, а богатого мужика сразу найти не смогла. Ну, не везло и всё тут! Нашла одного, а он оказался аферистом, попользовался Алкой и бросил без копейки. Другой оказался альфонсом, сам искал богатую тетку. А кредит-то отдавать надо, там огромные проценты набежали! Зарплата у Алки маленькая, денег взять негде, пришлось продавать квартиру и переезжать в комнату. Сидит сейчас с соседями-алкоголиками на кухне и плачет... Я решила действовать по-умному. Ни в коем случае не брать никаких кредитов на свое имя. Сначала найти мужика из среднего класса, с небольшим бизнесом, походить у него в любовницах за оговоренную сумму, накопить денег на операцию. А потом, уже сиськами и новой одеждой, искать олигарха.

– Я так понимаю, что сейчас вы приступаете к последнему этапу. И где же водятся олигархи?

– Да где угодно: в яхт-клубе, казино, боулинге...

– Сами-то как туда попадете?

– На работу устраюсь. Швы заживут, пойду продавцом в автосалон элитных машин, я уже договорилась, там и подцеплю мужика. У меня всё продумано.

– Удачи, – сказала я. – Но вам не обидно?

Лана распахнула глаза:

– За что?

– Мужчины видят в вас лишь надувную куклу с огромными сиськами. Не обидно, что они не замечают вашу бессмертную душу? Может быть, лучше вкладывать деньги в свое образование, личное развитие?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь идет о событиях, описанных в романе Люси Лютиковой «Мужчины и другие животные».

Купить: https://tellnovel.com/lyutikova_lyusya/svekrov-dal-nego-deystviya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)